

Проблемы души нашего времени

Эта книга впервые вышла в 1930 году и пережила большое количество изданий. Она является одним из основополагающих трудов в аналитической психологии, охватывает широчайший спектр проблематики: от традиционных для психоанализа вопросов терапии психических расстройств до глобальных проблем существования человека в обществе.

Автор — выдающийся швейцарский ученый XX столетия К. Г. Юнг — знакомит читателей с глубинными уровнями психики человека, с «попытками и стремлениями постичь необъятную проблему души».

Книга адресована студентам, аспирантам, преподавателям гуманитарных вузов, а также всем тем, кто самостоятельно пытается понять мотивы бессознательной деятельности человека, влияющие на его мышление и поведение.

Карл Густав ЮНГ

ПРОБЛЕМЫ ДУШИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Издательский дом
«СВАРОГ»
Киев – 2023

УДК 159.964.2 Юнг
Ю 50

Юнг К. Г.
Ю 50 Проблемы души нашего времени / Карл Густав Юнг. — Киев: Издательский дом «С В А Р О Г», 2023. — 361 с.

ISBN 978-966-370-762-4

Эта книга впервые вышла в 1930 году и пережила большое количество изданий. Она является одним из основополагающих трудов в аналитической психологии, охватывает широчайший спектр проблематики: от традиционных для психоанализа вопросов терапии психических расстройств до глобальных проблем существования человека в обществе.

Автор — выдающийся швейцарский ученый XX столетия К. Г. Юнг — знакомит читателей с глубинными уровнями психики человека, с «попытками и стремлениями постичь необъятную проблему души».

Книга адресована студентам, аспирантам, преподавателям гуманитарных вузов, а также всем тем, кто самостоятельно пытается понять мотивы бессознательной деятельности человека, влияющие на его мышление и поведение.

ISBN 978-966-370-762-4

УДК 159.964.2 Юнг

© Издательский дом «С В А Р О Г», 2023.

Предисловие к первому изданию

Опубликованные в этом томе статьи и сообщения, в сущности, обязаны своим возникновением вопросам, поставленным передо мной действительностью. Уже сама по себе постановка вопросов дает определенное представление о проблематике нашего времени. И подобно вопросам, ответы также проистекают из моего личного профессионального опыта наблюдения за душевной жизнью нашего достопримечательного времени. Основное заблуждение публики состоит в том, что якобы имеются ответы, «решения» или взгляды, которые нужно только кому-нибудь высказать, чтобы внести необходимую ясность. Но настоящая истина ничего не стоит, как показывает история на многочисленных примерах, если она не стала кровным внутренним опытом. Каждый же однозначный, так сказать ясный, ответ всегда застревает в голове и только в редчайших случаях проникает в сердце. Нам нужно не «знать» истину, а постичь ее. Не обладать интеллектуальным воззрением, а найти путь к внутреннему, возможно бессловесному, иррациональному опыту – вот в чем основная проблема. Нет ничего бесплоднее, чем говорить о том, что это должно быть, и нет ничего важнее, чем найти путь, ведущий к этим дальним целям. Наверное, большинство знает, как это должно быть, но кто укажет путь, которым можно было бы туда пойти?

Как указывает уже само название книги, речь идет о проблемах, но не об их решениях. Душевные устремления нашего времени пока еще находятся в состоянии проблематики; пока мы только ищем сущностную постановку этих вопросов, которая, если бы она была найдена, означала бы половину решения.

Таким образом, эти сочинения знакомят внимательного читателя с попытками и стремлениями постичь необъятную проблему души, которая терзает современного человека, пожалуй, еще в большей степени, чем она занимала его ближних и дальних предков.

Автор и издатель

Кюснахт – Цюрих, декабрь 1930 г.

Предисловие ко второму изданию

Поскольку со времени появления первого издания прошло только полтора года, то нет оснований для существенных изменений в тексте. Поэтому собрание моих сочинений выходит в неизменной форме. Я не услышал также принципиальных возражений и не встретил непонимания в связи с обсуждаемыми вопросами. Поэтому нет также оснований для более длинного предисловия. Во всяком случае, не раз сделанный мне упрек в психологизме не может быть поводом к более длинному экскурсу. Разве что наивный человек будет от меня ожидать, что я предпочту своим собственным областям работы точку зрения метафизиков или теологов. Я никогда не смогу психологически рассмотреть и обсудить все обозримые душевные явления. То, что не существует окончательной истины, знает каждый здравомыслящий человек. Абсолютные заключения бывают только в области веры, в любом другом случае – это нескромность.

Автор и издатель

Кюснахт – Цюрих, июль 1932 г.

Проблемы современной психотерапии^[1]

Психотерапия, то есть лечение души и лечение душой, в широких слоях общества до сих пор отождествляется с психоанализом.

Слово «психоанализ» стало настолько общественным достоянием, что каждому, кто его употребляет, кажется, что он понимает, что под ним подразумевается. Но что, собственно, это слово означает, дилетанту неизвестно. Оно обозначает – по воле его создателя – изобретенные Фрейдом методы сводить душевные симптомокомплексы к некоторым вытесненным душевным процессам. А так как эта процедура невозможна без соответствующего осмысления, понятие «психоанализ» включает в себя также некоторые теоретические предпосылки, а именно теорию сексуальности, на чем категорически настаивал автор. Однако, несмотря на это, дилетант употребляет понятие «психоанализ» просто для всех современных попыток научно-методическим путем подойти к душе. Так, в психоанализ включают также и школу Адлера, несмотря на то что взгляд Адлера и метод Фрейда, по-видимому, непримиримо противостоят друг другу. Поэтому сам Адлер называет свою психологию не «психоанализом», а «индивидуальной психологией», тогда как я предпочитаю выражение «аналитическая психология», имея в виду новое понятие, которое включает в себя «психоанализ», «индивидуальную психологию» и другие направления в области комплексной психологии.

Так как есть только одна человеческая душа, то, наверное, есть также только одна психология, кажется дилетанту. Поэтому он принимает различия в подходах либо за субъективные измышления, либо за известные попытки маленьких людей самим взобраться на трон. Я мог бы легко продолжить список

«психологии», если бы упомянул также и другие направления, которые не входят в понятие «аналитическая психология». Фактически имеется много различных методов, точек зрения, взглядов и убеждений, которые борются друг с другом главным образом потому, что они друг друга не понимают, а поэтому не хотят друг с другом считаться. Многосторонность и различность психологических мнений нашего времени удивительна, а для дилетантов необозрима и запутана.

Если в учебнике патологии обнаруживается, что для одной болезни предлагаются многочисленные лекарственные средства самой разной природы, то из этого можно сделать вывод, что ни одно из них не является особо действенным. И если также указывается множество различных путей, которые должны вести нас к душе, то можно с уверенностью предположить, что ни один из них не приведет к цели, по крайней мере тот путь, который так фанатично расхваливается. На самом деле множество современных психологий является выражением трудности проблемы. Подход к душе и сама душа постепенно выявляются как трудная задача, как «проблема с рогами», если употребить выражение Ницше. Неудивительно поэтому, что накапливаются попытки снова и снова, с других сторон, подступиться к трудноразрешимой загадке. Из этого с неизбежностью следует полное противоречий множество точек зрения и мнений.

Примем же вместе со мной, что если мы будем говорить о «психоанализе», то не станем ограничиваться его узким определением, а будем вести речь вообще об успехах и неудачах всех тех устремлений, которые до сегодняшнего дня предпринимаются ради решения проблемы души и которые мы охватываем понятием аналитической психологии.

Впрочем, почему человеческая душа сегодня стала вдруг столь интересным для познания фактом? Ведь на протяжении тысячелетий она такого интереса не вызывала. Я только хочу

задать этот, по-видимому, непреложный вопрос, но не ответить на него. Очевидно, последние цели сегодняшнего психологического интереса подспудно связаны с этим вопросом.

Все, что входит сегодня в дилетантское понятие «психоанализ», имеет источником врачебную практику, поэтому все это является не более чем медицинской психологией. Консультационная комната врача наложила на эту психологию свой отпечаток, который нельзя недооценивать. Это сказывается не только на терминологии, но также и на образовании теоретических воззрений. Прежде всего повсюду мы наталкиваемся на естественно-научные биологические предположения врача. Из-за этого в основном возникло отчуждение академических гуманитариев от современной психологии, так как последняя объясняет все исходя из иррациональной природы, тогда как первые основываются на духе. Эта и без того труднопреодолимая дистанция между природой и духом возрастает в еще большей степени из-за медико-биологической терминологии, которая нередко представляется действительно профессиональной, но зачастую слишком сложна для понимания.

Хотя я и считаю, что изложенные здесь общие замечания насчет путаницы понятий в этой области нелишни, я бы хотел все же обратиться теперь к нашим собственным задачам, а именно проследить за достижениями аналитической психологии.

При чрезвычайном разнообразии направлений нашей психологии лишь с трудом можно определить общую точку зрения. Если поэтому я пытаюсь подразделить направления и работы в этой области на классы, или – лучше сказать – на ступени, то делаю это с понятной оговоркой, что речь идет о предварительной попытке, которой может быть, вероятно, поставлена в упрек та же произвольность, что и покрывающей земной шар координатной сетке. Во всяком случае, я хотел бы

отважиться рассмотреть общий результат под углом зрения четырех ступеней, а именно признания, разъяснения, воспитания и преобразования. В дальнейшем я попытаюсь обсудить эти, возможно, чуждые понятия.

Предшественницей всякого аналитического лечения души является исповедь. Однако поскольку такая исповедь определяется не причинными, но иррациональными, психическими связями, то постороннему человеку трудно сразу соотнести основы психоанализа с религиозным институтом исповеди.

Как только человеческому духу удалось выдумать идею греха, возникло психически сокрытое, на аналитическом языке – вытесненное. Сокрытое есть тайна. Обладание тайным действует подобно душевному яду, который отчуждает носителя тайного от общества. Этот яд в малых дозах может быть неопределимым лекарственным средством, даже необходимым предварительным условием для индивидуальной дифференциации человека, причем настолько необходимым, что человек уже на первобытной ступени развития ощущает потребность выдумывать тайны, чтобы благодаря обладанию ими защитить собственную душу от смертельной опасности растекания ее в бессознательном сообществе. Этому инстинкту дифференциации служат, как известно, широко распространенные древнейшие освящения с их оккультными таинствами. Даже христианское причастие еще в древней церкви считалось таинственным и упоминалось только намеками, на аллегорическом языке.

Разделенная со многими тайна действует настолько же благотворно, насколько разрушающе действует тайна личная. Она подобна вине, отделяющей ее несчастного владельца от общности с другими людьми. Если при этом сокрытое от других осознается, то ущерб, несомненно, меньше, чем в обратном случае, то есть когда сокрытое вытеснено. В этом последнем случае сокрытое содержание не хранится больше сознательно

в тайне, а утаивается даже от самого себя; оно отщепляется в виде самостоятельного комплекса от сознания и ведет в области бессознательной души существование особого рода, недоступное сознательному вмешательству и коррекции. Комплекс образует, так сказать, маленькую обособленную психику, которая, как показал опыт, сама по себе развивает своеобразную деятельность фантазии. Фантазия же вообще есть самостоятельная деятельность души, которая прорывается везде, где действие чинящего препятствия сознания либо ослабевает, либо прекращается вовсе, как, например, во сне. Во сне фантазия проявляется в виде сновидения. Но и во время бодрствования мы можем мечтать под порогом сознания, особенно благодаря вытесненным или иным бессознательным комплексам. Надо, между прочим, отметить, что бессознательные содержания состоят не только из ранее осознанных и впоследствии ставших из-за вытеснения бессознательными комплексов. Бессознательное имеет также свои особые содержания, которые исходят из неизведанных глубин, чтобы постепенно достичь сознания. Ниоим образом нельзя представлять себе бессознательную психику как простое хранилище для содержаний, которые не принимаются сознанием.

Все бессознательные содержания, которые либо приблизились снизу к порогу сознания, либо лишь немного под него опустились, имеют обыкновение воздействовать на сознание. Но поскольку содержание этих воздействий на самом деле не таково, каким кажется, то они являются необходимым образом опосредованными. Большинство так называемых ошибочных действий сознания проявляются в нарушениях, традиционно обозначаемых как невротические симптомы, которые с точки зрения медицины имеют в целом психогенную природу. (Исключениями являются такие шоковые воздействия, как, например, разрывы гранат и т. д.) Самые легкие формы неврозов – это ошибочные действия сознания, например оговорки, неожиданное выпадение имен и дат, неожиданные неловко-

сти, повлекшие за собой повреждения или травмы, недопонимание и, так сказать, галлюцинации памяти (думается, что якобы так-то было сказано или сделано), неверные мнения об услышанном или прочитанном и т. д.

Во всех этих случаях благодаря тщательному расследованию может быть доказано существование некоторого содержания, которое опосредованно и бессознательно нарушило работу сознания.

В целом вред бессознательной тайны больше, чем осознанной. Я встречал многих пациентов, которые вследствие тяжелых жизненных обстоятельств, в которых слабые натуры лишь с трудом могут удержаться от порыва к самоубийству, развили такую же тенденцию. Однако благодаря благоразумию они все-таки предотвратили этот порыв, создав тем самым бессознательный комплекс самоубийства. Бессознательное стремление к самоубийству вызывало отныне такие переживания и события, как, например, неожиданные приступы головокружения, нерешительность при переходе через улицу, ошибочное употребление сублимата вместо микстуры от кашля, неожиданное удовольствие от опасной акробатики и многое другое. Если в таких случаях удавалось сделать осознанным стремление к самоубийству, то сознательное осмысление устраняло этот комплекс, возможность самоубийства осознавалась и устранялась.

Всякая личная тайна действует подобно вине и греху, независимо от того, является ли она таковой или нет с точки зрения общепринятой морали.

Другая форма сокрытия – это сдержанность. Тем, что обычно сдерживается, являются аффекты. Здесь также сначала нужно подчеркнуть, что сдержанность есть полезная и целебная добродетель. Мы считаем самодисциплину одним из наиболее ранних искусств уже у первобытных народов, где она является частью ритуала посвящения, главным образом в

форме стоического перенесения боли и страха и аскетического воздержания. Но здесь сдержанность предстает внутри тайного союза как разделенное с другими деяние. Но если сдержанность является личной – вне связи с каким-либо религиозным воззрением, – то она может, как и личная тайна, вредить. Чрезмерная добродетель – источник плохого настроения и раздражительности. Сдержанный аффект также является чем-то, что сокрыто, что может быть утаено даже от самого себя, искусством, которым отличаются преимущественно мужчины, в то время как женщины, за небольшим исключением, имеют природную склонность не стесняться в проявлении чувств. Сдержанный аффект действует так же изолирующе и так же дезорганизующе, как и неосознаваемая тайна. Природа как бы обижается на нас, когда мы благодаря тайне возвышаемся над человечеством. Она злится на нас и в том случае, если мы утаиваем от других людей свои эмоции. Природе в этом смысле присуща *hoggor vacui*^[2], а потому нет ничего нетерпимее, чем равнодушная гармония на основе сдержанных аффектов. Случается, что вытесненные эмоции являются тем же, что и тайна. Чаще, однако, здесь не существует достойной упоминания тайны, а есть просто бессознательно сдержанные аффекты, которые обязаны своим происхождением совершенно осознанной ситуации.

Преобладание тайны или аффекта обуславливает, вероятно, различные формы неврозов. Щедрая на аффекты истерия основывается главным образом на тайне, в то время как закоренелый психастеник страдает от беспокоящего переваривания аффекта.

Тайна и сдержанность – на эти вредные вещи природа в конце концов реагирует болезнью. Разумеется, они вредны только в тех случаях, когда являются исключительно личными. Но если они разделяются в обществе с другими людьми, то природа удовлетворяется, и тогда они могут быть даже полезными добродетелями. Темное, несовершенное, глупое, вино-

вное в человеке утаиваются для самозащиты. Утаивание своей неполноценности является таким же первородным грехом, что и жизнь, реализующаяся исключительно через эту неполноценность. То, что каждый, кто никогда и нигде не перестает гордиться своим самообладанием и не признает свою богатую на ошибки человеческую сущность, ощутимо наказывается, – это похоже на своего рода проявление человеческой совести. Без этого от живительного чувства быть человеком среди других людей его отделяет непреодолимая стена.

Этим объясняется необычайное значение правдивых исповедей – истина, которая, наверное, была известна всем инициациям и тайным культам древности, что доказывает античное сакральное изречение:

«Освободись от того, что имеешь, и ты будешь принят».

Это изречение ныне мы можем сделать девизом первой ступени психотерапевтической проблематики. Ведь, в сущности, истоки психоанализа не представляют собой ничего иного, как по-научному заново открытую старую истину; само название, которое было дано первому методу, а именно катарсис = очищение, есть известное понятие античных посвящений. Первоначальный метод катарсиса, в сущности, заключается в том, что больной посредством гипнотической параферналии или без нее перемещается на задний план своего сознания, то есть в состояние, которое в восточной системе йоги считается состоянием медитации, или созерцания. Но в отличие от йоги предметом созерцания является спорадическое появление сумеречных следов представлений, будь то образы или чувства, которые отделяются от невидимых содержаний бессознательного, чтобы хотя бы тенью предстать повернутому вовнутрь взору. Таким образом, вытесненное и потерянное вновь возвращается назад. Это уже достижение – пусть даже порой и неприятное, – ведь теперь неполноценное и даже предосудительное принадлежит мне, дает мне сущность и тело;

это моя тень. Разве я могу вообще существовать, не отбрасывая тени? Темное также принадлежит моей целостности, и в тот момент, когда я осознаю свою тень как часть себя самого, я снова приобретаю воспоминание о том, что я человек, как и все другие. Во всяком случае, с помощью этого поначалу безмолвствующего открытия заново собственной целостности воссоздается прежнее состояние, из которого произошел невроз, то есть отщепленный комплекс. При умалчивании изоляция продолжается, а улучшение может наступить только частичное. Однако благодаря признанию я снова обретаю человечество, освобождаясь от тяжести морального изгнания. Метод катарсиса предполагает полное признание, то есть не только интеллектуальную констатацию сущности дела умом, но также и разрешение сдержанных аффектов, констатацию состояния дела сердцем.

Велико влияние такого признания на наивную душу, удивительно част успех лечения. Я же хотел бы усматривать основной успех нашей психологии на этой ступени не только в том, что излечиваются некоторые болезни, а в большей степени в систематическом подчеркивании значения признания. Это касается нас всех. Все отделены друг от друга тайнами, а через пропасти между людьми ведут обманчивые мосты мнений и иллюзий вместо прочного моста признания.

Я бы не хотел тем самым выдвинуть всем в мире требование признаваться. Даже нельзя себе представить, каким пошлым было бы всеобщее всестороннее признание в грехах. Психология только констатирует то, что здесь лежит удивительный факт первого порядка. Этот факт не может взяться непосредственно из лечения, потому что тогда он снова будет сам по себе проблемой с совершенно по-другому наостренными рогами, как нам это пояснит следующая ступень, а именно разъяснение.

Очевидно, новой психологии было бы обеспечено всеобщее признание, если бы катарсис проявил себя всеисцеляющим средством. Во-первых и прежде всего, не всегда удается приблизить пациентов к бессознательному настолько, чтобы они были в состоянии воспринимать тень. Скорее наоборот, многие – а это особенно сложные натуры с развитым сознанием – так уцепились за сознание, что никак не могут от него оторваться. Они развивают сильнейшее сопротивление всякой попытке оттеснения сознания, они хотят на сознательном уровне вести речь с врачом и разумно изложить и обсудить свои трудности. С них достаточно признания сознательного, для этого они не должны обращаться к бессознательному. Такие пациенты требуют особой техники приближения к бессознательному.

Этот факт сразу же ограничивает применение катартического метода. Еще одно ограничение возникает позднее, вводя нас в проблематику второй ступени – разъяснения. Допустим, что в одном определенном случае состоялось катартическое признание, невроз исчез, то есть симптомы стали невидимыми. Пациент вроде бы здоров и, следовательно, может прекратить лечение. Но он – или особенно она – не может уйти. Факт признания, по-видимому, связал пациента с врачом. Если эта кажущаяся бессмысленной связь насильственно разрушается, то возникает рецидив болезни. Знаменательно и даже удивительно то, что в определенных случаях связь с врачом может и не возникнуть; пациент уходит внешне здоровым, но отныне он настолько околдован задним планом своей души, что продолжает самостоятельно заниматься с помощью катарсиса издержками своего приспособления к жизни. Он связан бессознательным с самим собой, но не с врачом. С такими пациентами случается, очевидно, то же, что когда-то произошло с Тесеем и его спутником Перифоем, которые, спустившись в царство Аида, чтобы поднять наверх богиню подземного мира, и устав от спуска, присели отдохнуть и больше уже не могли встать из-за того, что крепко приросли к скале.

Эти удивительные и непредвиденные случаи требуют такого же тщательного разьяснения, как и случаи, упомянутые вначале, то есть случаи, оказывающиеся недоступными добрым намерениям катарсиса. Хотя обе категории пациентов, по-видимому, абсолютно различны, однако и те и другие нуждаются в разьяснении, как это правильно признавал Фрейд. Совершенно очевидным этот факт становится в случаях второго рода, особенно если после успешного катарсиса пациент оказался связан с врачом. Подобная связь уже наблюдалась в качестве нежелательного последствия гипнотического лечения, но внутренние механизмы такого соединения оставались невыясненными. Сейчас известно, что интересующее нас соединение по своей сути тождественно связи между отцом и ребенком. Пациент при этом оказывается в своеобразной детской зависимости, от которой он не в состоянии защититься с помощью разума. Подобная фиксация может быть чрезвычайно сильной, причем сильной настолько, что можно, пожалуй, предполагать здесь совсем уж необычные мотивы. Соединение такого рода представляет собой процесс, протекающий вне сознания. Поэтому сознанию пациента ничего о нем не известно. Возникает вопрос: как же подступиться к этой новой проблеме? Очевидно, речь идет о невротической картине, о новом симптоме, который был просто спровоцирован лечением. Несомненным внешним признаком здесь является то, что эмоциональное насыщенное воспоминание об отце было перенесено на врача, из-за чего врач *polens volens*^[3] кажется отцом и как таковой в известной степени превращает пациента в ребенка. Разумеется, детскость пациента не возникла только теперь, а существовала всегда, но до этого она была вытеснена. Теперь она всплывает на поверхность и стремится воссоздать детско-семейную ситуацию, ведь вновь нашелся давно утраченный отец. Фрейд удачно назвал этот симптом переносом. То, что возникает некоторая зависимость пациента от готового помочь врача, есть, в конце концов, вполне нормальное и

Оглавление

Предисловие к первому изданию	3
Предисловие ко второму изданию.....	5
Проблемы современной психотерапии	6
Об отношении аналитической психологии к произведениям художественной литературы	35
Противоречия Фрейда и Юнга.....	62
Цели психотерапии	72
Психологическая типология	94
Структура души.....	117
Душа и земля.....	143
Архаичный человек	170
Жизненный рубеж.....	199
Брак как психологическое отношение	220
Аналитическая психология и мировоззрение	236
«Комплекс» и миф Д-р мед. В. М. Кранefeldт.....	267
Дух и жизнь	293
Проблема души современного человека.....	318
Библиография.....	345
Примечания	348

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЕ ИЗДАНИЕ

Карл Густав ЮНГ

ПРОБЛЕМЫ ДУШИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

(Російською мовою)

Підписано до друку 27.03.2023 р. Формат 60x84 1/16.
Друк цифровий. Папір офсетний. Гарнітура Times New Roman.
Ум. друк. арк. 22,6. Тираж 300 прим.

Видавничий дім «СВАРОГ»
вулиця Гната Юри, 9
м. Київ 02105

Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи до державного реєстру
видавців, виготівників і розповсюджувачів видавничої продукції
ДК № 2581 від 10.08.2006 р.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ